

Николай Добролюбов

**Воспитанница, комедия А.
Н. Островского**

Николай Александрович Добролюбов

Воспитанница, комедия А. Н. Островского

Настоящая рецензия – по существу, первое серьезное обращение Добролюбова-критика к творчеству Островского. Мотивы его следует искать в том факте, что поиски драматурга, совершившего окончательный переход к остросоциальной драматургии и обратившегося к изображению неудержимого стремления простых людей к независимости и счастью, совпали с глубочайшими внутренними убеждениями самого критика.

Содержание

#1	0005
Примечания	0019

**Николай Александрович
Добролюбов
Воспитанница, комедия А. Н.
Островского**

*(«Библиотека для чтения», 1859, № 1-
й)*

*А и денег нету – перед деньгами.
А и денег много – перед злыми дни
[1].*

Так говорится в одной народной русской песне, и первый из приведенных стихов оправдался в нынешнем году над русской беллетристикой (из чего, впрочем, не следует еще, чтобы и второй стих непременно должен был оправдаться).

Несколько лет уже слышались жалобы на бедность талантливых произведений в нашей беллетристике. В массе читающей публики в последние три года интерес к легкой литературе поддерживался еще рассказами и очерками, посвященными разным общественным вопросам. Но строгие ценители, для которых общественные вопросы не были новостью, постоянно отделяли в этих произведениях живую, общественно-полезную сторону от того, что, собственно, называется художественным талантом. За ними шли другие, мелкие, тряпичные люди, раскиснувшие в лени, износившиеся в гусарских шалостях, — люди, которых общественные вопросы и не занимали никогда; эти люди тоже произносили строгий суд над утилитарной литературой последнего времени и в подкрепление себе призывали тоже требования искусства и чи-

стой художественности.[2] На их выходки смешно было смотреть; но все-таки оставалось справедливым то общее положение, что литература последнего времени мало представляла для удовлетворения художественному чувству эстетически развитых читателей. За последние десять лет, при строгом выборе, едва наберешь, пожалуй, десять значительных литературных произведений, которые можно бы было высоко поставить в художественном отношении.[3] Любители литературы приходили в уныние. Но нынешний год начался для нашей беллетристики таким блестящим образом, как немногие годы начинались... Мы не станем говорить о «Дворянском гнезде» г. Тургенева: высокое и чистое наслаждение, испытанное нами при чтении этой повести, давно уже, конечно, разделили с нами все читатели, и, без сомнения, все согласны, что одного такого произведения было бы уже достаточно для того, чтобы сделать очень замечательным литературное начало нынешнего года.[4]

Но «Дворянское гнездо» явилось не одно. В «Отечественных записках» начался роман г.

Гончарова «Обломов», которого так давно и нетерпеливо ожидала русская публика. Роман этот состоит из трех частей, и все, читавшие его вполне, соглашаются, что замечательные достоинства этого первоклассного произведения еще увеличиваются в следующих частях, далеко превосходящих первую – и в развитии характеров и в художественной отделке подробностей. Когда он напечатан будет весь, мы надеемся поговорить о нем подробнее.[5]

В «Библиотеке для чтения» также напечатана весьма замечательная вещь – комедия г. Островского «Воспитанница», о которой мы скажем теперь несколько слов. Появление ее чрезвычайно обрадовало всех почитателей таланта г. Островского, и в особенности тех, которые были не совсем довольны в его последних произведениях некоторой идеализацией купеческого быта.[6] В новой своей пьесе г. Островский стоит на другой почве: содержание ее взято из деревенского быта богатой помещицы, со всем ее антуражем – воспитанницами, приживалками, горничными, лакеями. В этом произведении вовсе нет резких и

грубых черт, к каким прибегают иногда писатели для того, чтобы ярче выставить пошлость и гадость изображаемого ими предмета. Вся пьеса отличается необыкновенно спокойным, сдержанным характером, и ни в одном слове, ни в одном движении действующих лиц мы не заметили вмешательства личности самого автора. С первой до последней сцены – перед нами действительная жизнь, наша русская – *жолтельная* (по выражению одного из лиц пьесы)[7] жизнь, близкая и знакомая нам всем. Мы не будем здесь разбирать всей пьесы, надеясь скоро говорить о г. Островском по поводу нового издания его сочинений.[8] Но не можем не обратить внимания читателей особенно на одну сцену «Воспитанницы», полную чудной, поэтической прелести. Дело в том, что у старухи Уланбековой живет воспитанница Надя, за которой ухаживает восемнадцатилетний сын старухи – Леонид. Это – добрый, но пустой мальчик, еще неопытный, но уже начинающий развращаться под влиянием заразной атмосферы, которою окружен в поместье своей матери. Надя ничего к нему не чувствует, удаля-

ется от него и мечтает о том счастье, которое ожидает ее в добром замужестве. Но Уланбекова любит отдавать своих воспитанниц за кого ей угодно; Надю решила она выдать за Неглитентова, пьяного и совершенно неприличного приказного... Леонид заступает за Надю и упрашивает мать переменить решение; та соглашается; Надя с радости соглашается на просьбу Леонида выйти вечером в сад гулять... Вечером является она в сад с Лизой; Лиза удивляется ее решимости и напоминает, что она прежде пряталась от Леонида. Надя отвечает.

НАДЯ. Да, прежде бегала от него, теперь не хочу. (Стоит задумчиво.) Теперь и сама не знаю, что со мной вдруг сделалось! Как только барыня давеча сказала, чтоб не смела я разговаривать, а шла за кого прикажут, так у меня все сердце перевернулось. Что, я подумала, за жизнь моя, господи! (Плачет.) Что в том проку-то, что живу я честно, что берегу себя не только от слова от какого, а и от взгляду-то! Так меня зло даже взяло на себя. Для чего, я думаю, мне беречь-то себя? Вот не хочу

ж, не хочу! А у самой так сердце замерло; кажется, еще скажи она слово, я б умерла на месте.

ЛИЗА. Что ты говоришь! я ведь думала, что ты шутя к барину-то вышла.

НАДЯ. Какие шутки! Не могу я обиды переносить! не могу! (Молчание.) Эх, Лиза, будь жизнь получше, не пошла б я ночью в сад. Помнишь, бывало, как я об себе раздумывала; да и тебе самой, чай, тоже в голову приходило, что ты вот девушка честная, живешь ты себе, как птичка какая, вдруг тебе понравился некоторый человек, начинает он за тебя свататься, ходит к тебе часто, целует тебя... тебе и стыдно-то его, и рада-то ты ему. Все это идет порядком. Хоть и не богато, хоть, может быть, сидишь ты с женихом в людской, а словно ты княжна какая, словно у тебя каждый день праздник. Потом обвенчают, все тебя поздравляют. Ну, там хоть и трудно будет замужем жить; может быть, работы много будет; да зато живешь ты, как в раю, словно ты гордишься чем!

ЛИЗА. Разумеется, девушка.

НАДЯ. А как тебе скажут: ступай за

пьяного, да еще и разговаривать не смей, и поплакать-то о себе не смей... Ах, Лиза!.. Да как подумаешь, что станет этот безобразный человек издеваться над тобой, да ломаться, да свою власть показывать, загубит он твой век так, ни за что! Не живя, ты за ним состаришься! (Плачет.) Говорить-то – только свое сердце надирать! (Махнув рукой.) Так уж, право, молодой барин лучше.

Приходит и Леонид, и тут происходит следующая сцена, которую мы решаемся целиком представить читателям.

ЛЕОНИД (подходя). А я думал, что ты обманешь меня – не придешь.

НАДЯ. Отчего же вы так думали?

ЛЕОНИД. Да ведь ты говорила, что не любишь меня.

НАДЯ. Мало ли что девушки говорят, а вы им не верьте. Как вас не любить, красавца такого.

ЛЕОНИД (удивленный). Что ты, Надя! (Берет ее руку, несколько времени держит, потом целует.)

НАДЯ (в испуге, отнимает руку). Ах! Что вы это делаете! Голубчик, барин!

Как вам не стыдно!

ЛЕОНИД. Уж я тебя очень люблю, Надя!

НАДЯ. Любите? Ну что ж, вы бы так меня поцеловали.

ЛЕОНИД. Можно, Надя? а? ты позволишь?

НАДЯ. А что ж такое за беда!

ЛЕОНИД (оборотившись). Ах, и ты, Лиза, здесь...

ЛИЗА. Уйду, уйду!.. Мешать не буду.

ЛЕОНИД (сконфуженный). Я совсем не потому. С чего это ты выдумала?..

ЛИЗА. Ну уж, не хитрите. Мы тоже знаем... (отходит за кусты).

ЛЕОНИД. Так ты мне позволишь поцеловать тебя (робко целует). Да нет, дай мне руку поцеловать.

НАДЯ (прячет руки). Нет, нет, как можно! Что это вы!..

ЛЕОНИД. Отчего же? Знаешь ли ты это: ты для меня теперь дороже всего на свете.

НАДЯ. Будто и правда?

ЛЕОНИД. Ведь меня еще никто не любил.

НАДЯ. Не обманываете вы?

ЛЕОНИД. Нет, право!.. Право, никто не

любил. Ей-богу!

НАДЯ. Не божитесь, я и так поверю.

ЛЕОНИД. Пойдем, сядем на лавочку.

НАДЯ. Пойдемте (салятся).

ЛЕОНИД. Что ты так дрожишь?

НАДЯ. А разве я дрожу?

ЛЕОНИД. Дрожишь.

НАДЯ. Так, должно быть, озябла немножко.

ЛЕОНИД. Позволь, я тебя одену (одевает ее полой плаща и обнимает. Надя берет его руки и держит).

НАДЯ. Ну, вот и давайте так сидеть да разговаривать.

ЛЕОНИД. Да об чем же мы будем разговаривать? Я только одно и буду говорить тебе, что люблю тебя.

НАДЯ. Вы будете говорить, а я буду слушать.

ЛЕОНИД. Да ведь это надоест, одно и то же.

НАДЯ. Вам, может быть, надоест, а мне никогда не надоест.

ЛЕОНИД. Ну, изволь, я буду говорить. Я люблю тебя, Наденька (встает и целует ее).

НАДЯ. Что ж это вы! А вы сидите смирно, как уговор был.

ЛЕОНИД. Так сложа руки и сидеть?
НАДЯ (смеясь). Так и сидеть. Вот слышите, в роще соловей поет. А вы сидите да слушайте. Как хорошо так слушать!

ЛЕОНИД. Как так?

НАДЯ. Да вот так, как мы с вами сидим. Кажется, всю жизнь так бы и сидела да слушала. Уж чего еще лучше, чего еще надобно...

ЛЕОНИД. Наденька, да ведь это, право, скучно.

НАДЯ. Вот вы каковы, мужчины-то! Вам уж сейчас и скучно сделается. А я вот готова всю ночь просидеть да глядеть на вас, не спуская глаз. Кажется, про весь свет забуду! (У нее наворачиваются слезы; она нагибает голову; потом смотрит на Леонида пристально и задумчиво.)

ЛЕОНИД. Теперь бы хорошо на лодке покататься; погода теплая, месяц светит.

НАДЯ (рассеянно и почти машинально). Чего-с?

ЛЕОНИД. Покататься бы на лодке; я бы тебя перевез на островок. Там так хорошо, на островке. Ну что ж,

пойдем (берет ее за руку).

НАДЯ (в задумчивости). Куда же-с?

ЛЕОНИД. Как куда? Я тебе говорил, разве ты не слыхала?

НАДЯ. Ах, извините, голубчик барин. Я задумалась и не слыхала ничего. Барин, миленький, простите. (Кладет голову ему на плечо.)

ЛЕОНИД. Я говорю, поедem на островок.

НАДЯ (прилегая). Ах да, куда вам угодно! Хоть на край света!.. Только бы с вами... Ведите, куда хотите.

ЛЕОНИД. Надя, ты такая добрая, такая миленькая, что мне кажется, я заплачу, глядя на тебя (подходит к лодке).

ЛЕОНИД. Прощай, Лиза.

ЛИЗА (выходя из кустов, грозит).

Смотрите вы! (Леонид и Надя садятся в лодку и уезжают.)

Молодых людей подкарауливает Василиса Перегриновна, ехидная приживалка, которой характер и положение в доме очерчены с необыкновенным искусством. Она все пересказывает Уланбековой, которая и без того огорчена уже, что Гришка, ее любимый ла-

кей, мальчик 19 лет, отпра­сился с вечера на гулянку и не пришел домой ночевать. С досады на Гришку, который с нею обра­щается за­панибрата, Уланбекова изливает свой гнев на Надю и решает, что она должна вый­ти за Неглигентова. Леонид, узнав об этом, хочет опять упрашивать мать; но Василиса Пере­гриновна говорит, что к старухе теперь нель­зя подступиться, пока Гришка к ней не при­дет и прощения не попросит; поэтому, гово­рит, «барин наш хороший, не угодно ли вам будет ему поклониться, чтобы он поскорей шел у маменьки прощения просить?». Лео­нид, подумав, отвечает: «Ну, уж это ему слиш­ком много чести будет», и приста­ет к Наде с утешениями и вопро­сами – что теперь де­лать. Но для Нади понятна уже ее судьба, ясно будущее. Она просит Леонида оставить ее: «Пускай мне, говорит, будет тяжело, а вы ве­селитесь себе, что вам об таких пустяках себя беспокоить?» Наконец, будучи не в силах вы­держать долее его малодушного участия, она говорит: «Ах, боже мой! Уж уехали бы лучше куда-нибудь, с глаз долой». Леонид очень рад такому исходу и подхватывает: «А в самом де-

ле, я лучше поеду к соседям на неделю». – «Ну, и с богом!» – говорит Надя...

В этом острове прекрасного произведения нельзя, конечно, видеть всех его достоинств; но мы хотели познакомить читателей по крайней мере с содержанием пьесы г. Островского, потому что чувствовали себя не в состоянии передать всю силу впечатления, какое она производит. Из приведенной сцены читатели могут видеть, до какой глубины достигает г. Островский в обработке характеров и сколько поэтической прелести умеет он придавать самым простым положениям. Мы с нетерпением ждем выхода второго тома его сочинений, чтобы подробнее поговорить о его таланте.

Сказав об издании сочинений Островского, мы всё помнили еще об одной литературной новости, которую спешим сообщить читателям. Приготавливаются к печати «Записки охотника» И. С. Тургенева, нового издания которых уже несколько лет с таким нетерпением ожидала терпеливая русская публика. Эта новость уже не в предположениях только, а в действительности: мы видели наконец экзем-

пляр «Записок охотника», одобренный цензурою к новому изданию. Месяца через два книга эта появится в свет.[9]

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1859, № 2, отд. III, с. 284–289, без подписи.

Настоящая рецензия – по существу, первое серьезное обращение Добролюбова-критика к творчеству Островского (не считая полемической «Литературной заметки» 1856 г., – I, 166–170). Мотивы его следует искать в том факте, что поиски драматурга, совершившего окончательный переход к остросоциальной драматургии и обратившегося к изображению неудержимого стремления простых людей к независимости и счастью, совпали с глубочайшими внутренними убеждениями самого критика. Впоследствии анализ пьесы будет развернут в статье «Темное царство» (наст. т.; см. также полемику с Н. Д. Ахшарумовым о «Воспитаннице» в рецензии на сборник «Весна» в наст. т.). Рецензия на «Воспитанницу» обнаруживает тот эмоционально-творческий импульс, который разрешится

в будущих статьях об Островском. Характерен сам отбор отрывков из пьесы, приведенных критикой: выделены черты «решимости» Нади, самодурства Уланбековой и «малодушия» Леонида, в которых проступает абрис будущей «Грозы», как бы «прогнозированной» критиком.

Комментарии

Добролюбов неточно цитирует песню «Ох! В горе жить – кручинну быть» из сборника «Древние российские стихотворения. собранные Киршею Даниловым» (М., 1818. с. 381–382). На глубину и «грустную иронию» этой песни обратил внимание Белинский, полностью приведший ее в статье «Древние российские стихотворения...» (Белинский, V, 353–354).

[^^^]

Намек на А. В. Дружинина и В. П. Боткина. См. также наст. т., с. 76 и примеч. 47 к ней.

[^^^]

Оценка литературного десятилетия занижена, ряд значительных произведений создали в этот период Тургенев, Л. Толстой, Гончаров, Островский, Салтыков-Щедрин, Писемский, С. Аксаков, Некрасов, Тютчев, Фет, Огарев и др.

[^^^]

«Дворянское гнездо» печаталось в *Совр.*, 1859,
№ 1.

[^^^]

«Обломов» напечатан в *ОЗ*, 1859, № 1–4. Статья Добролюбова «Что такое обломовщина?» (см. в наст. т.) появилась в *Совр.*, 1859, № 5.

[^^^]

6

Добролюбов имеет в виду «Не в свои сани не садись» и особенно пьесу «Бедность не порок», вызвавшую критический отзыв «Современника» (Чернышевский, II, 232–240).

[^^^]

Выражение Потапыча (д. III, явл. 3). В журнальном издании статьи, очевидно, допущена опечатка, не исправленная и в последующих изданиях критика: в тексте А. Н. Островского «желтенькая», а не «жолтельная».

[^^^]

«Сочинения А. Островского» (в 2-х томах. СПб., 1859), по поводу которых Добролюбов написал статью «Темное царство» (см. в наст. т.).

[^^^]

Речь идет о втором издании «Записок охотника», которое появилось в мае 1859 г. После выхода первого издания (СПб., 1852) книга была под цензурным запретом.

[^^^]